

Л. Е. Бляхер

ЗАКЛИНАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ВНЕЗАПНЫЕ МОДУЛЯЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЕТАФОРИКИ

Капустин Б. Г. О предмете и употреблении понятия «революция» // Критика политической философии. Избранные эссе. — М.: Территория будущего, 2010

Ключевые слова: концепт, политический дискурс, метафора, революция, абсолютное событие, повседневность

Разразившийся на наших глазах глобальный экономический кризис и предшествовавшие ему фундаментальные изменения рубежа XX—XXI столетий внесли новые аспекты в бытование концепта «революция»¹. В экспертном сообществе более или менее явно выделились две группы: «призывателей» и «заклинателей» революции. Первые видят в революции единственно возможный и естественный выход из исчерпавшей себя Современности². При этом возникающее новое с особой «логичностью» и «последовательностью» выводится из наличного состояния, представляя скорее «вторым изданием» Современности — разу-meется, «исправленным и дополненным»³. Для вторых революция — это нежелательное и случайное событие, которого можно избежать, если все будет достаточно «благоразумно». С точки зрения представителей этой группы, «настоящие» революции, выступающие основой и условием дальнейшего развития, остались в прошлом. Сегодня в них просто нет необходимости. Революции возникают на периферии мировой системы и не затрагивают ее центр⁴, по существу выполняя там («плохо») ту же функцию, которую в «правильных» странах «хорошо» выполняет модернизация. Несколько иной нюанс появляется в связи с «новыми» («цветными») революциями. По отношению к ним вводится понятие неподлинной революции, противопоставляемой прошлым, подлинным революциям⁵. Сегодня же условий для «настоящих» революций просто нет.

Показательно, что и в первом, и во втором случае само понятие предметом рефлексии не является. Разве что дается беглая ссылка на работы К. Маркса или В. И. Ленина⁶. По большей части авторы отталкиваются от «интуитивно ясного» (повседневного) употребления понятия, а риторически считая его конкретизацию или излишней (все уже написано раньше), или невозможной (слишком разные революции). Тем самым не только предельно размывается предмет спора, но и возникает серьезный методологический парадокс. Используя в качестве инструмента

¹ О некоторых границах этого бытования см. Бляхер, Межуев, Павлов 2008.

² Я сейчас не вдаюсь в полемику о том, что считать Современностью и когда она начинается. Об этом см. крайне интересную книгу С. И. Каспэ (Каспэ 2007).

В данном случае принципиально то, что для этой группы экспертов она завершается.

³ Кагарлицкий 2005.

⁴ Революция 2001.

⁵ Кара-Мурза, Телегин, Александров, Мурашкин б. г.

⁶ Исключения здесь довольно редки. В их числе хотелось бы отметить работу А. Ф. Филиппова «Триггеры абсолютных событий» (Филиппов 2006).

анализа ситуации конструирует язык (в данном случае не столь важно, со знаком плюс или минус), автор оказывается в положении не наблюдателя, но участника события. Он слышит и фиксирует эмоционально напряженную, симфонически слитную интонацию кризиса. Единственным различимым голосом, ведущей «партией» в этом хоре оказываются те тематизмы («модернизация», «автократия», «современность», «постсовременность» или какие-то еще), которые внес он сам.

Строго говоря, результат анализа здесь известен заранее, до самого анализа. Он зависит от тех субъективных устремлений автора, которые воплотились в тематизмах его мышления-рассуждения. Бесспорно, эти тематизмы имеют отношение к социальной реальности — поскольку автор, переживания которого легли в основу тематизации, живет именно в ней. Но тогда мнение эксперта-мыслителя мало чем отличается от мнения любого другого участника события. Ведь участник события тоже эмоционально переживает ситуацию и как-то ее обозначает. Оно (экспертное мнение) выступает в качестве скорее эстетического, публицистического или политического, нежели философского акта. Оно само должно стать объектом исследования и потому не уменьшает, а увеличивает толщину исследуемого материала. Для придания интеллектуальному акту статуса философского довольно часто используется отсылка к системе ценностей, соображениям морали и иным «социокультурным основаниям»⁷. Однако такая отсылка тоже не может служить фундаментом. Она апеллирует к фактам, которые сами должны быть объяснены.

⁷ Дахин 1999:
134—154.

На этом фоне приятно выделяется эссе о революции Б.Г.Капустина, где методологическая и содержательная рефлексия над понятием «революция» поставлена во главу угла. В настоящей статье я сознательно сосредоточусь на моментах расхождения с концепцией работы «О предмете и употреблении понятия „революция“», лишь обозначив то, с чем безоговорочно согласен, что делает эту работу важной и ценной.

Эссе о революции Капустина содержит множество неожиданных переходов, «разоблаченных» точек зрения, отброшенных — и уже через несколько абзацев повторенных определений. Такие переходы невольно вызывают ассоциацию с музыкальной техникой неожиданного и осуществленного вне правил «перескока» из одной тональности в другую — так называемыми внезапными модуляциями. Об этих «внезапных модуляциях» и их «неличном» смысле и пойдет речь дальше. Я попытаюсь показать, что подобный — модуляционный — взгляд на определение революции достаточно симптоматичен именно в плане современного бытования этого концепта (понятия) в рамках современного (уже совсем современного) политико-философского дискурса. Для

начала опишу сами модуляции текста Капустина, имеющие непосредственное отношение к понятию «революция».

Первый сильный тезис, выдвигаемый Капустиным, — *непродуктивность попыток построения универсальной теории революции*, то есть такой теории, которая при всех исторических перипетиях отражала бы некий универсальный смысл социального феномена и его соотношение с иными «основными историческими понятиями». В данном случае с уважаемым автором трудно спорить. Представить себе дефиницию, которая охватывала бы все мыслимые проявления «революционных практик», почти невозможно. Собственно, осознание этого бесспорного обстоятельства и стало главной интенцией к составлению сборника «Концепт „революция“ в современном политическом дискурсе»⁸, с которым полемизирует Капустин. Казалось бы, ситуация вполне очевидная, описанная еще Н.Луманом⁹ и проанализированная А.Ф.Филипповым в его давнем эссе о наблюдателе империи¹⁰. Понятия общественных наук, в отличие от их естественнонаучных аналогов, никогда не покидают сферу обыденной речи и, соответственно, постоянно этой обыденной речью фальсифицируются (обогащаются, отрицаются и т.д.).

⁸ Бляхер, Межуев, Павлов 2008.

⁹ Luhmann 1981: 282.

¹⁰ Филиппов 1992.

В процессе структурирования понятий естественных наук достаточно явно выделяются три уровня «проясненности». Первый уровень — «интуитивной ясности», когда сколько-нибудь развернутая дефиниция представляется излишней. Обыденное и научное словоупотребления совпадают. Следующий уровень — *операциональное* определение¹¹. Оно еще не содержит ответа на вопрос: *что это?* — но стремится ответить на вопросы: *как это функционирует? как с этим работать?* Здесь понятие входит в структуру *научных терминов*, соотносится с ними, теряя жесткую связь с семантикой, приписываемой ему обыденной речью. И, наконец, на последнем уровне — *субстанциональных* определений — содержание понятия подвергается жесткой кодификации, полностью отрываясь от профанного контекста.

¹¹ Бляхер, Волынская 1989: 28—39.

С терминами общественных наук все обстоит значительно сложнее. Они постоянно должны соотносить себя с обыденным уровнем, предметом своего исследования. Уровень же этот в силу своей изменчивости столь же постоянно деконструирует любые сколь угодно устоявшиеся дефиниции, заставляет их трансформироваться, лишает их определенности, окончательности. По существу, понятия общественных наук выступают одновременно и обозначением некоего положения дел, и инструментом его анализа. Даже если на каком-то этапе с относительно стабильными условиями развития социальной системы понятийный аппарат стабилизируется, рано или поздно это развитие приводит к тому, что существующая система понятий из инструмента исследования реальности превращается в маску, скрывающую ее¹². Отсюда необходимость непрерывной рефлексии самого инструмента рефлексии, введения его в контекст повседневного словоупотребления. Исследователь,

¹² Более подробно этот процесс рассматривается мною в книге «Нестабильные социальные состояния» (см. Бляхер 2005).

избегающий подобной рефлексии, обречен на специфическую «научную шизофрению»: как эмпирическая личность он осознает неадекватность собственной модели реальности, но как эксперт не способен усмотреть эту неадекватность.

Нечто подобное, как убедительно показывает Капустин, происходит и с понятием «революция». Многообразие видов «революционной практики» разрушает претензии любой метаисторической теории на ухватывание сущности революции как универсального явления. Вместо определения революции (в единственном числе) мы получаем определение революции (во множественном числе).

Но как только тезис высказан и обоснован многочисленными ссылками на классиков, современников и историю, он тут же «опровергается» автором, дающим вполне *универалистское определение революции*: «Революция есть современное событие, определяемое возникновением и (последующим) исчезновением политической субъектности» (с. 121). Не вдаваясь пока в суть определения, отмечу саму *внезапность модуляции*. Видимо, речь идет о том, что все *другие* дефиниции и подходы к понятию «революция» заведомо неадекватны. И, вероятно, особенно неудачен подход, предполагающий изучение структуры понятия «революция» с целью проблематизировать исследовательский инструмент, сделать предметом рефлексии сам концепт через анализ его прагматики¹³. Ведь хотя «революция» распадается на множество «революций», общее у них остается. Причем общее достаточно очевидное — слово. Проследить, как формировался «смысловой комплекс» слова¹⁴, во многом и означает понять, что имеют в виду люди, называя некое событие революцией.

Но здесь Капустин производит вторую внезапную модуляцию. Исследование *структуры* понятия, предпринимаемое в сборнике «Концепт „революция“...», он сопоставляет (и противопоставляет) с собственным исследованием его *содержания* — с целью все-таки выявить ту самую ускользающую сущность явления. Создается ощущение, что как бы ни отрицал он возможность осознания сущности революции, вне этого сам исследовательский акт он просто не мыслит. Не случайно же столь серьезный исследователь усмотрел в процитированной в сборнике статье из «Словаря русского языка» С.И.Ожегова не фиксацию обыденного словоупотребления, но понимание «сущности революции». Чтобы быть «полемиическим контекстом» для рассуждений Капустина, сборник должен содержать понимание «сущности» в том смысле, которое приводит автор эссе. А если его нет? Ничего страшного, его можно «усмотреть», отбросив все, что в него не вписывается. В этом смысле совершенно закономерна реплика Капустина: «А чем для познания революций полезен концепт „революция“ в качестве неопределенно используемой метафоры, блуждающей из одного „семантического гнезда“ в другое, даже если при таких перемещениях она сохраняет память о посещенных ею ранее „гнездах“, как представляет „революцию“ Л.Бляхер?» (с. 126).

¹³ Бляхер, Межуев, Павлов 2008.

¹⁴ Ильин 1997.

Стоит согласиться: если под революцией понимается некое положение дел, для познания ее «сущности» как социального феномена этот подход не дает ничего. Вопрос только в том, что несколькими страницами ранее автор обрушивался на тех, кто стремится получить такое знание. Похоже, что самокритика — отличительная черта текста Капустина. Так, выразив сомнение в адекватности утверждений об интенсивном употреблении термина «революция» в современном политическом дискурсе, автор нового взгляда на современные революции завершает свое эссе картиной незатихающих интенсивных споров о понятии. Постоянное метание между утверждением тезисов и их отвержением в ходе дальнейшего изложения составляет стержень эссе, определяет его композиционную целостность, в которой автор жестко отказывает сборнику «Концепт „революция“...».

Каким же образом определяется содержание понятия «революция»? Для того чтобы из множества «революций» выделить некий инвариант, Капустин предпринимает масштабную историческую деконструкцию революций. Особую роль в этом плане играет изложение споров об «античных революциях» и революциях современных. Из самого факта наличия *разных* точек зрения философ делает два важнейших вывода. Во-первых, он четко обозначает, к какому именно классу объектов (*современные революции*) приложимо принимаемое им определение революции. Во-вторых, он приходит к заключению, что революция не может считаться «абсолютным событием», поскольку по поводу нее нет согласия экспертного сообщества. Она, точнее, мнения о ней — лишь способ структурирования «сообщества наблюдателей». В силу этого под вопросом оказываются революции относительно недавнего прошлого. Применительно к ним, полагает Капустин, более корректны иные термины: «контрреволюция», «переворот», «революционная фикция» и т.д. К этим выводам о содержании термина «революция» стоит присмотреться.

Я отнюдь не утверждаю, что «эфяльтова революция» была революцией, как и не отстаиваю противоположную точку зрения. Меня интересует то, какую функцию выполняет этот пассаж в рамках анализируемой концепции революции. Архаические революции, по мнению Капустина, являются революциями лишь в той степени, в которой они сохраняются в Современности, выступают элементом актуального политического (революционного) дискурса. Современность же хотя и была «запущена» революциями, сама по себе представляет их антитезу. Постулируя постоянную изменчивость как основу своего бытия, Современность «вытесняет» революцию. Последняя присутствует в Современности как «эхо Марсельезы» (с. 139).

Здесь и возникает самый интересный и важный пассаж капустинского текста. Поскольку архаические события не являются революциями *par excellence*, а в Современности революции существуют лишь в форме «вытесненного» и «подавленного», единственной «подлинной»,

то есть вполне соответствующей данному автором определению, предстает Великая Французская революция. Тем самым Капустин избавляется от «множества революционных практик», получая одно событие и, соответственно, одну революцию. Эта модуляция и позволяет ему обрести искомый материал «под определение», который можно подвергнуть тщательному исследованию. То, что при этом огромные пласты смыслов, актуально присутствующих в политическом дискурсе и реализующихся в современной полемике, оказываются отброшенными, по-видимому, воспринимается им как неизбежная плата за корректность определения и исследования.

Формируется любопытнейший семантический ряд. Великая Французская революция — единственная подлинная революция (общее определение). У Великой Французской революции имелась событийная канва (историческое описание). Следовательно, изучение этой событийной канвы и будет анализом «революции» (политико-философская рефлексия). Анализ понятия просто вытесняется из работы. Категоризация уникального исторического материала осуществляется автором крайне интересно. Он «конструирует» задним числом предпосылки события революции в виде системных сбоев социальной доминанты, ранее предопределявшей соотношение разнородных элементов, интегрированных в общество; тщательно обрисовывает возникновение «обреченности на свободу», столь ярко описанной Ж.-П. Сартром.

Особого внимания заслуживает идея гегемонии и «чешуйчатости» общества. «Чешуйчатость», многосоставность, структурируемая общей доминантой — отношениями гегемонии, выступает средством разрешения одного из классических парадоксов общественных наук: парадокса структурности/агентности. Поскольку структура детерминирует агента, а агент развивает структуру, то существенным социальным изменениям не оказывается места. В обществе просто не обнаруживается «пустоты», в которой могло бы реализоваться свободное творчество социального агента. В отличие от «двоичных структур» Э. Гидденса¹⁵, модель Капустина выглядит вполне фундированной¹⁶. Источник изменений он видит в стремлении любыми путями сохранить прежний образ жизни и прежние стратегии поведения. Достаточно интересно описано им и стремление «остановить», завершить революцию и, тем самым, конституировать «новую Землю и новое Небо».

Проблема состоит лишь в том, что сам анализ события революции оказывается таковым лишь по названию. Ведь соответствующие процессы (формирование свободно действующего субъекта, порождение изменений, уничтожение субъектности, легитимация наличного состояния и т.д.) рассмотрены на материале одного казуса. Бесспорно, что данный казус обозначается термином «революция». Гораздо менее бесспорно, что выделенные процессы и явления имманентны именно для него, что они не могут быть выделены в иных событиях, не относящихся к классу «революций». Скажем, возникновение генуэзского господ-

¹⁵ Giddens 1987: 22—51.

¹⁶ *Близкие идеи высказывались в одной из ранних моих работ (см. Бляхер 1997).*

¹⁷ Бродель 2004.

ства в финансовой сфере в эпоху Пьячентских ярмарок, описанное Ф.Броделем¹⁷, было сопряжено с образованием нового субъекта и существенными социальными изменениями не только в самой Владычице, но и во всей Европе. Однако ни Бродель, ни Капустин рождение современной финансовой системы революцией не считают. Если же это и сходные с ним события прошлого (даже если ограничить рамки рассмотрения Современностью) — революции, то как обосновать, что именно указанные феномены выступают для них структурообразующими, а сам набор феноменов является исчерпывающим?

Эти вопросы возвращают нас от понятия «революция» к множеству несведенных и, по всей вероятности, несводимых «революционных практик». Что же остается в результате огромного эссе? Определение понятия «революция», увы, не состоялось и было подменено анализом конкретного «революционного казуса». Правда, автор оговаривает особый статус этого казуса, продолжающего существовать как «эхо» вплоть до наших дней, сообщающего динамизм Современности, являющегося ее конституирующим признаком. Само же осознание «новой Земли и нового Неба» низводится Капустиным до уровня «фикции революции» (с. 132). Беглый анализ подобных «фикций» присутствует в тексте, но в довольно специфической форме. Революция здесь важна и интересна как предмет споров, в рамках которых структурируется экспертное сообщество. Из «альтернативы Современности» (мысль, брошенная в самом начале эссе) феномен революции превращается в слово — с чего, собственно, и начинается сборник, выступающий «полемиическим контекстом» для теоретизирований Капустина.

Слово (концепт) и было предметом анализа авторов сборника. Революция в их понимании, о чем прямо говорилось во вступительной статье, — это не столько структура события, сколько его *имя*. Наделение события этим именем и, что не менее важно, *признание* такого именования участниками события сообщает ему совершенно особую семантику. Эту семантику М.В.Ильин обозначает термином «смысловой комплекс»¹⁸. Появление одного из элементов этого комплекса неизбежно вызывает ассоциативный ряд со всеми другими его элементами. Изучению того, как формировался и трансформировался этот смысловой комплекс, какие новые смыслы он получает сегодня, и посвящен сборник «Концепт „революция“ в современном политическом дискурсе». Тем самым, на мой взгляд, был сделан шаг к переходу от продуцирования очередных реплик в политическом диалоге к анализу этих реплик, от политического акта к исследовательскому. При этом не так важно, к «настоящей» или «фиктивной» революции (событию) отнесено данное имя. Соотнесение имени и события может быть симулировано, навязано, имитировано. Ведь в семантику концепта «революция» входят довольно разнородные смыслы. И воспроизведение одного из них автоматически вызывает ассоциацию со всеми иными элементами «смыслового комплекса». Но если участники события признают его ре-

¹⁸ Ильин 1997.

волюцией, то по своим последствиям оно будет для них абсолютным событием, конституирующим реальность. И наоборот, отсутствие этого имени, сколь бы радикальными ни были изменения, не позволяет постичь и осознать разрыв постепенности, приводит к бесконечному блужданию в лабиринте традиций в попытках осмыслить реальность в терминах «деградации»¹⁹ или «возрождения» чего-нибудь очень важного.

¹⁹ Бляхер 2001.

В чем же расхождение и полемика? Что вызвало столь многочисленные «внезапные модуляции» и яростный полемический запал Капустина, вылившийся в эссе, по размерам сопоставимое с самим сборником?

Рискну высказать предположение, что причина жаркой полемики лежит скорее в области политики, нежели политологии или политической философии. Революция в интерпретации Капустина напоминает атомную энергию, некогда разрушившую Хиросиму и Нагасаки и тем самым положившую начало эпохе глобального ядерного противостояния, но укрощенную наукой и превращенную в мощную созидательную силу. Однако, несмотря на укрощение, «мирный атом» может порождать «Чернобыли». Вот и заклинает автор «революционный атом» оставаться мирным, сообщать энергию машинам, давать свет и тепло домам и, главное, «не взрываться», продолжать Современность.

Основной же экстранаучной интенцией сборника «Концепт „революция“...» было ощущение, что возрастание частоты употребления понятия в самых разных сферах есть не столько признак утилизации революции Современностью, сколько грозный симптом, указывающий на ее (Современности) завершение.

Библиография

- Бляхер Е.Д., Волынская Л.М. 1989. Научная метафора: к методологии исследования трансляции знания // *Философские науки*. № 2.
- Бляхер Л.Е. 1997. *Виртуальные состояния социума, или Шансы и риски открытого общества в России*. — М.
- Бляхер Л.Е. 2001. Деградация: концептуальный анализ // *Концептуализация политики*. — М.
- Бляхер Л.Е. 2005. *Нестабильные социальные состояния*. — М.
- Бляхер Л.Е., Межуев Б.В., Павлов А.В. (ред.) 2008. *Концепт «революция» в современном политическом дискурсе*. — СПб.
- Бродель Ф. 2004. *Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Ч. II. — М.
- Дахин В.Н. 1999. Эволюция и революция в российском кризисе // *Pro et Contra*. Т. 4. № 3.
- Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий*. — М.
- Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. *Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко...* (<http://www.kara-murza.ru/books/export/>).

Кагарлицкий Б.Ю. 2005. *Марксизм: Не рекомендовано для обучения.* — М.

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии. Пространственные метафоры власти и западная политическая форма.* — М.

Революция и современность. Сборник, посвященный памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории В.А.Почепко. 2001. — СПб.

Филиппов А.Ф. 1992. Наблюдатель империи (Империя как социологическая категория и социальная проблема) // *Вопросы социологии.* № 1.

Филиппов А.Ф. 2006. Триггеры абсолютных событий // *Логос.* № 5 (56).

Giddens A. 1987. *Social Theory and Modern Sociology.* — Cambridge.

Luhmann N. 1981. *Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft.* Bd. 2. — Frankfurt a.M.